

Он уже собирался задать еще один вопрос, как вдруг сзади раздался голос:

— Кто вы такие?!

Цзян Пэйи обернулся: говоривший был мужчиной в халате медработника, но не тем, что был вчера. Он достал из кармана удостоверение и спокойно сказал:

— Полиция из отряда уголовного розыска городского управления. Мы здесь для расследования и сбора доказательств.

Зрачки работника слегка сузились, после чего он кивнул и предложил:

— Дети глупости говорят. Сегодня наш директор Гун дома. Если хотите что-то узнать, поговорите с ним.

Цзян Пэйи холодно ответил:

— Проводите.

Директор Гун явно не ожидал, что сотрудники городского управления вернутся так скоро. Увидев Цзяна и Линя, он слегка удивился и тут же встал со стула:

— О, это же товарищи из городского управления!

— Директор Гун, мы виделись вчера, так что не буду ходить вокруг да около, — Линь Фэйши, что было для него редкостью, говорил прямо. — Расскажите мне правду о Сяо Чжэне и его прошлом в приюте.

После паузы Линь Фэйши многозначительно добавил:

— У нас сейчас больше информации, чем вы рассказали вчера.

Выражение лица директора Гуна слегка напряглось:

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, — Цзян Пэйи сделал шаг вперед, его черные глаза холодно смотрели на него, — что если вы солгали или что-то утаили, мы это узнаем.

Директор Гун сглотнул, его губы дрогнули в натянутой улыбке, а на лбу выступил пот. Через некоторое время он с трудом выдал:

— Товарищи полицейские, дело не в том, что я не хочу говорить правду, просто этот Сяо Чжэн... он действительно... трудно говорить об этом.

Линь Фэйши слегка наклонил голову, показывая, что готов слушать.

Директор Гун глубоко вздохнул:

— Сяо Чжэн с детства был психологически нездоровым. Он был замкнутым и неразговорчивым, всегда смотрел на людей с холодом в глазах. Дети в приюте боялись его. Сначала мы думали, что он немой, потому что никогда не слышали, чтобы он говорил. Мы все считали, что с этим ребенком что-то не так.

— Позже он начал приставать к девочкам в приюте, делал довольно неприличные вещи и не исправлялся, несмотря на наказания... Кажется, из-за этого его руки сломали старшие дети. Я не знаю точно, но когда мы обнаружили, что Сяо Чжэн ранен, все его пальцы были сломаны.

— Он не мог есть, только пил кашу. Мы думали, что после наказания он исправится, но он остался таким же. Даже с изуродованными руками он продолжал приставать к девочкам... — Директор Гун вздохнул. — В конце концов, мы не смогли с ним справиться и выгнали его. Девочка, которую он домогался, до сих пор живет в нашем приюте. Если хотите узнать больше, я могу позвать ее.

— Мне тогда было всего четырнадцать, и я не помню всех деталей, — молодая девушка в майке сжимала плечи, на глазах у нее блестели слезы. — Я помню, как он трогал меня, его руки залезали под мою одежду, хватали за лодыжки, снимали юбку и пытались дотронуться до меня... Я кричала, и тогда пришел один из старших мальчиков. После этого я больше никогда не носила юбки.

— Он целовал меня, всей своей тяжестью наваливался на меня, — другая девушка грызла ногти, явно нервничая. — Он давил мне на бедра коленом, терся о мои ноги... Даже со сломанными руками он не оставлял нас в покое. Директор Гун много раз запирали его в темной комнате, бил, но он не исправлялся. В конце концов, он ушел.

Перед Линь Фэйши стояли три или четыре девушки, все они, по их словам, были жертвами Сяо Чжэна. Из их рассказов стало ясно, что Сяо Чжэн начал приставать к девочкам уже в тринадцать-четырнадцать лет. Позже неизвестно кто сломал ему руки, но он не исправился, продолжая издеваться над одинокими девочками при первой же возможности.

В такой ситуации Линь Фэйши мог только предположить, что Сяо Чжэн был врожденным психопатом с признаками сексуальной зависимости. В общем, он действительно был не из хороших людей.

Объяснения директора Гуна полностью совпадали с имеющейся у них информацией. Похоже, Сяо Чжэн действительно заслужил свою участь, и его смерть никого не огорчила.

Линь Фэйши с сложным выражением лица окинул взглядом девушек. Казалось, дело прояснилось, но в его сердце все еще оставалась тень сомнения.

Как выжил этот ребенок, который не мог говорить и у которого были сломаны все пальцы, после того как его выгнали из приюта? И почему он решил удушить себя? Зачем перед смертью проглотил ключ?

Очевидно, ответы на эти вопросы нельзя было найти в приюте Юшань, поэтому Линь Фэйши и Цзян Пэйи вернулись в городское управление.

— Это дело кажется мне странным, — Линь Фэйши подпер подбородок руками и, склонившись над столом, бормотал. — Возможно, это из-за того, что мы имеем дело с несовершеннолетним с антисоциальным расстройством личности. Я не могу понять его психологию, и это вызывает у меня чувство... как бы это выразиться... непостижимой абсурдности.

Цзян Пэйи, прислонившись спиной к двери, смотрел на него:

— Ты всегда можешь понять психологию преступника в своих делах?

Линь Фэйши на мгновение задумался:

— В большинстве случаев могу. Я довольно хорошо разбираюсь в психологии подозреваемых, привык смотреть на вещи с их точки зрения. Даже у врожденных преступников обычно есть свои причины. Но Сяо Чжэн... Я не могу его понять. В моем представлении, ребенок, выросший в коллективе, не должен быть таким мрачным и больным. Я совершенно не могу его понять.

Дверь, к которой прислонился Цзян Пэйи, слегка затряслась, раздался стук. Он одной рукой открыл дверь:

— Что случилось?

Молодой стажер-криминалист, явно нервничая, особенно перед заместителем начальника отряда Цзяном, держал в руках пакет с уликами и, не поднимая глаз, сказал:

— Товарищ Цзян, сестра Цю попросила передать вам улику. Она сказала, что вы знаете, что это...

Цзян Пэйи взял пакет — это был ключ, извлеченный из желудка Сяо Чжэна.

Молодой криминалист поклонился и тут же убежал:

— До свидания, товарищ Цзян!

Цзян Пэйи внимательно рассмотрел ключ через прозрачный пакет и заметил, что на металлическом кольце были выгравированы четыре арабские цифры: 0816.

Это, похоже, был номер комнаты.

Линь Фэйши подошел и спросил:

— Что случилось?

Цзян Пэйи перевернул ключ, на другой стороне также было выгравировано «0816».

— Это тот самый ключ.

Линь Фэйши взглянул и с легкой досадой сказал:

— Похоже, он ничем не отличается от других ключей... В таком большом городе, как Чунгуан, только по этой одинокой цифре мы не сможем найти, где находится комната 0816.

Цзян Пэйи сел на стул и слегка приподнял бровь:

— Давай проанализируем цель действий Сяо Чжэна, начальник отряда Линь?

Линь Фэйши моргнул:

— Мы снова начинаем верить в мистику и расследование без доказательств?

— Какие доказательства? Разве криминалист не сказал, что результаты вскрытия показали, что Сяо Чжэн покончил с собой? Пока нет никаких доказательств, что это было убийство, — Цзян Пэйи легонько постучал пальцем по столу. — Но человек, который перед самоубийством проглатывает ключ, это уже само по себе нелогично.

Линь Фэйши предположил:

— Может, он не хотел, чтобы кто-то нашел что-то в комнате 0816, и решил спрятать ключ, унеся его с собой в могилу?

Цзян Пэйи возразил:

— Если он не хотел, чтобы что-то нашли, было бы проще сжечь это. Даже если он проглотил ключ, кто-то мог бы взломать дверь. Кроме того, если он хотел уничтожить ключ, мог бы просто выбросить его в озеро или закопать в землю. Зачем ему было его есть?

Слова Цзян Пэйи словно открыли новую перспективу. В голове Линь Фэйши мелькнула мысль, и он воскликнул:

— Он хотел сохранить этот ключ!

<http://bllate.org/book/17716/1655736>